

Из истории 93-го пехотного Иркутского полка

В ТЕЧЕНИЕ 22-х лет, с 1892 по 1914 гг., в Пскове располагался 93-й пехотный Иркутский полк, который по праву считался одним из наиболее славных в русской армии. Он вел свое происхождение от 4-го батальона Лифляндского Егерского корпуса, сформированного еще в 1785 г. по инициативе князя Г.А.Потемкина.

Егеря были весьма специфическим родом легкой пехоты. Они действовали в основном рассыпным строем и должны были вести прицельный огонь, прикрывая кавалерию или другие пехотные части. Использовались егеря также для разведки, засад, диверсий, несения караульной службы. В егерские части отбирались «люди молодые, небольшого роста», подвижные и ловкие. Их учили «избирать места наилучнейшие и авантажнейшие в лесах, деревнях», укрываться в «ямах и всяких оврагах», стрелять, «пусть даже на спине лежа»¹.

Рядовой егерь был вооружен короткой фузеей (гладкоствольным ружьем) со штыком, пистолетом и иногда кинжалом. Унтер-офицер вместо фузеи получал нарезной штуцер, а фурыер (связной) - пару пистолетов. Егерские офицеры имели сабли. Обмундирование егерей состояло из суконного кафтана зеленого цвета, шаровар также зеленых, но с черными лампасами, сапог с широкими голенищами и, наконец, черной пояровой каски с плюмажем. Сочетание зеленого и черного цветов было очень удобно для маскировки.

Егеря 4-го батальона Лифляндского корпуса принимали участие в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. и подавлении Польского восстания в 1793 г. Особенно они отличились при штурме Очакова (1789 г.) и Измаила (1790 г.).

В 1797 г. все егерские корпуса русской армии были переформированы в полки. На основе 4-го батальона Лифляндского корпуса тогда возник 8-й Егерский генерал-майора Чубарова полк, который с 1801 г. стал именоваться 7-м Егерским полком. Он принял участие в итальянском и швейцарском походах А.В.Суворова, кампании 1806-1807 гг., русско-турецкой войне 1806-1812 гг. Во время Отечественной войны 1812 г. 7-й Егерский полк находился в составе Дунайской армии П.В.Чичагова, активно участвовал сначала в борьбе с союзным Наполеону австрийским корпусом К.Шварценберга, а затем в преследовании отступавших французских войск.

В 1833 г. из солдат 7-го Егерского полка был образован 3-батальонный Старо-Ингерманландский пехотный полк. Последний, в свою очередь, в 1863 г. был переформирован в 93-й пехотный Иркутский полк. О егерском прошлом отныне напоминала только одна из полковых песен, сложенная еще в начале XIX в.:

Егерь ростом не велик,
Мал да дорог золотник.

Михайлов Андрей Александрович - кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им.С.М.Кирова.

Егерь мал,
Да удал!
На параде назади,
А чуть драка - впереди
Поскорей
Егерей.
Сестра - пуля, да штык - брат,
И без пик, без кошей, лат,
Наш брат рад
Хоть на ад. И т.д.²

Особую славу Иркутскому полку принесла русско-турецкая война 1877-1878 гг. Он участвовал почти во всех ее крупных сражениях и не раз удостоивался благодарности командования. По окончании военных действий полк был отправлен на квартиры в Финляндию. Однако в конце 1892 г. он был включен в состав 18-го армейского корпуса и переведен в Псков. С этого времени начался «псковский» период истории прославленной воинской части, который продолжался до 1914 г.

Тогда в составе полка одновременно служило около 80 офицеров и 2,5 тыс. нижних чинов (солдат и унтер-офицеров). Кроме того, в нем числилось 8-19 чиновников военного ведомства (в основном врачи и оружейные мастера) и священник. Все солдаты были разделены на 4 батальона и 16 рот. Сам же полк входил в состав 24-й пехотной дивизии, включавшей наряду с ним 94-й Енисейский, 95-й Красноярский и 96-й Омский полки. Эти «сибирские» названия полков в конце XIX-начале XX вв. были довольно условными, а комплектование рядового состава производилось в основном за счет Псковской и соседних с нею губерний.

Среди офицеров 93-го Иркутского полка к началу XX в. также преобладали уроженцы Псковской губернии или лица с ней связанные. При этом многие из них находились между собой в родственных отношениях. Так, в 1907 г. в полку одновременно служили подполковник А.П.Рындин и его сын подпоручик П.А.Рындин, братья Затешлинские, братья Шимановские и т.д.³ Такая «семейственность» в те времена не порицалась, а, напротив, поощрялась, как способствующая укреплению офицерской корпорации.

Сразу по прибытии в Псков 93-й Иркутский полк занял казармы, ранее принадлежавшие 146-му Царицинскому полку и располагавшиеся на Кахановском бульваре (ныне Октябрьский проспект). Здания этих казарм частично сохранились и по сей день, в них располагается АО «Псковмап». Тогда же это был настоящий военный городок, включавший, помимо собственно солдатских казарм, корпуса с квартирами для офицеров, штаб, церковь, лазарет, обширный плац и три сада: Лазаретный, Командирский и Офицерский, именованный также Сосновым. В отношении жилья Иркутскому полку повезло гораздо больше, чем Омскому, который тоже прибыл в Псков в 1892 г., но был вынужден обзаводиться различными постройками вплоть до 1908 г. Всего же из общего числа полевых войск российской армии на 1901 г. казармами было обеспечено лишь 63,4 %, а прочие стояли в «частных домах и на квартирах обывательских».⁴

На первые годы жизни 93-го Иркутского полка в Пскове выпало одно из самых знаменательных событий в его мирной истории. 17-20 мая 1897 г. он отпраздновал свое 200-летие (считая от образования 8-го Егерского полка). В связи с этим следует отметить, что полковые праздники вообще были устойчивейшей традицией русской армии и сопровождались целым рядом своеобразных ритуалов и торжеств, ныне почти забытых. Вот как отмечал свой юбилей Иркутский полк.⁵

17 мая состоялась торжественная передача полку нового знамени. Это было белое шелковое полотнище с изображением св.Николая и анненскими лентами. Прибил его к древку лично командир 24-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Дембовский, который и вручил знамя полковому командиру С.К.Гершельману. В тот же день депутация от жителей Пскова во главе с городским головой Э.К.Сутгофом поднесла в дар полку икону с изображением св.Гавриила, князя Псковского.

Утром 18 мая произошло торжественное освящение нового знамени. Оно состоялось на полковом плацу перед строем солдат и офицеров. По случаю торжества плац был украшен декорациями, изображавшими перевал Сен-Готард, турецкую крепость Измаил, Рущук, Шипку и другие места, где полк одерживал победы. На праздник прибыл великий князь Владимир Александрович, командовавший тогда войсками Петербургского военного округа, дивизионный командир Дембовский, офицеры и солдаты 95-го Красноярского и 96-го Омского полков. После освящения знамени был произведен полковой парад.

В три часа дня в помещении Псковского дворянского собрания начался парадный обед для полковых офицеров и почетных гостей. Пашки с меню обеда были украшены «картинками из боевой истории полка». На лестницах и у дверей стояли часовые в старинной егерской форме. В главном зале попеременно играли оркестры Иркутского и Омского полков. При этом капельмейстер последнего А.А.Зильбер (отец писателя В.Каверина) написал к торжеству специальный марш, посвященный великому князю Владимиру Александровичу. Солдаты в этот день получили праздничный обед: картофельный суп с мясом, пшеничную кашу и пироги.

19 мая стал для солдат днем отдыха. С самого утра до позднего вечера на плацу шло «гуляние нижних чинов». Для них были устроены качели, карусели, гигантские шаги, проходили забавные соревнования: бег в мешках, бой на бревне, лазанье по шесту. От командования солдаты получили скромные подарки: чай, сахар, табак.

Офицеры 19 мая устроили в Дворянском собрании бал, перед которым все они получили особые юбилейные жетоны, изготовленные по эскизу их сослуживца К.Х.Ауэ. Специальные значки-брелки получили и офицерские жены.

20 мая состоялись солдатский спектакль, товарищеский ужин для фельдфебелей и унтер-офицеров, пикник для офицеров. Сценарий спектакля был написан одним из офицеров полка, поручиком М.А.Сосновским, и посвящен подвигам егерей в 1812 г. Все роли в нем исполняли солдаты. Они же помогали делать декорации и костюмы. Офицерский пикник происходил на станции Кресты и завершился фейерверком.

Однако при всем размахе и блеске юбилейных торжеств не они, конечно, составляли основное содержание жизни полка. Солдатская служба была очень тяжелой и практически не оставляла рядовым ни минуты свободного времени. Очень высоки были требования к офицерам, которые должны были все время находиться при солдатах. Не случайно Комиссия по тактическому образованию войск, работавшая в 1903 г., в своем отчете отметила: «Едва ли можно сомневаться, что у офицера число часов в сутки... превышает установленное законом для фабричных и заводских рабочих»⁶.

Показательно, что офицеры 93-го Иркутского полка даже жилье старались подбирать поближе к солдатским казармам. Из 93 офицеров и чиновников, числившихся в полку на 1907 г., 35 чел. (38 %) имели казенные квартиры в офицерском корпусе, 14 чел. (15%) снимали частное или имели собственное жилье в Петровском посаде, 12 чел.(13%) - на Старо-Новгородской (ныне Л.Толстого) улице, 10 чел.(11%) - на Кахановском бульваре. Таким образом, 77% всех офицеров жили в непосредственной близости от своих солдат. Для

сравнения отметим, что на весьма протяженной Великой (ныне Советская) улице жил всего один офицер Иркутского полка (поручик К.К.Холево) в доме Карамышева.

Вознаграждался тяжелый офицерский труд более чем скромно. По принятым в 1899 г. нормам командир полка получал в год 3900 руб. жалования и столовых денег. Самый же младший офицер, подпоручик, должен был довольствоваться 660 рублями в год, т.е. 55 руб. в месяц. Перечень расходов армейского офицера позволяет представить анонимная статья «Письма к приятелю», опубликованная в журнале «Разведчик» за 1898 г. Если офицер холост, завтракает и обедает ежедневно, а ужинает через день, на питание у него уходит 15 руб. 50 копеек в месяц. Поддержание в порядке обмундирования требует 16 руб. в месяц, приобретение предметов личной гигиены - письменных принадлежностей, газет и журналов - 11 руб. в месяц.⁷ Если к этому добавить, что офицер должен был выплачивать взносы в заемную и эмеритальную (для начисления пенсии) кассу, посещать офицерское собрание и товарищеские обеды «в складчину», то картина складывается довольно мрачная.⁸ Правда, те офицеры, которые не пользовались казенной квартирой, получали еще так называемые «квартирные деньги», но общей ситуации это не меняло. Большое содержание старших офицеров по сравнению с младшими с лихвой компенсировалось тем, что они, как правило, были обременены большими семьями.

Хорошо знавший армейский быт протопресвитер армии и флота Г.Шавельский писал в своих мемуарах: «Офицер был изгоем царской казны... Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он ... влачил нищенское существование, недоедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом».⁹

«Собственных средств» у большинства офицеров Иркутского полка не было. По данным 1907 и 1912 гг., лишь у 4 офицеров были небольшие земельные владения, и лишь у 5 - собственные дома. При этом последние считали своим долгом предоставлять жилье менее состоятельным сослуживцам. Так, у штабе-капитана Н.Е.Цеслинского, имевшего небогатый дом в Петровском посаде, проживали подпоручики И.И.Саатчи, Н.Н.Гостунский и Н.В.Юравский.

И все-таки большинство офицеров Иркутского полка, несмотря на тяжесть своего положения, тщательно выполняли служебные обязанности. Кроме того, они принимали довольно активное участие в культурной и общественной жизни города. Так, в 1907-1913 гг. поручик В.А.Ендржеевский был членом Псковского отделения Императорского Российского общества садоводства. Капитан В.И.Никольский входил в городской комитет попечительства о народной трезвости. Капитан А.Ю.Питка в 1911-1912 гг. был одним из руководителей эстонского общественного собрания «Койт» (Родина). Ю.Ю.Копытский, командовавший полком с 1910 по 1914 гг., участвовал в заседаниях Псковского Археологического общества. И т.д.

В 1900 г. мирная жизнь полка была прервана. Несколько его офицеров были включены в состав подразделений, направленных в Китай для подавления «восстания боксеров». Полковой врач И.М.Идельсон вызвался участвовать в такой экспедиции добровольно. Он был включен в состав 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и за проявленное в боях мужество получил два боевых ордена. И все же Китайская кампания не оказала большого воздействия на состояние Иркутского полка, тогда как русско-японская принесла суровые потрясения.

Уже в сентябре 1903 г. «в предвидении осложнений на Дальнем Востоке» Объединенная рота солдат Иркутского и Омского полков была переведена в состав 26-го Восточно-

Сибирского полка и направлена в Порт-Артур. С января 1904 г. такие отправки стали регулярными и принимали все большие и большие размеры. К осени 1905 г. в полку почти не оставалось штаб-офицеров, полк был совершенно обескровлен. Тем не менее, как свидетельствует участник событий, проводы всегда носили самый сердечный характер. «В дни отъезда каждого офицера, - пишет он, - все остающиеся считали своим долгом явиться на вокзал... Приходил полковой оркестр, приводились команды нижних чинов, собирались полковые дамы,¹⁰ семьи офицеров и масса публики; часто проливались самые неутешные, горячие слезы...»

Многие солдаты и офицеры 93-го Иркутского полка проявили в боях незаурядное мужество. Достаточно сказать, что за годы войны 16 офицеров были награждены орденами св.Станислава 2 и 3 степени с мечами, 13 - орденами св.Анны 4 степени с надписью «За храбрость», 15 - св.Анны 2 степени с мечами и 3 степени с мечами и бантом, 3 - орденами св.Владимира 4 степени с мечами. Особенно отличился поручик В.А.Ендржеевский, который был 3 раза ранен и заслужил 6 различных боевых орденов. Однако не обошлось и без трагических событий. Капитан В.Игнатович, прослуживший в полку 13 лет, умер от болезни под Мукденом. 30-летний штабс-капитан М.М.Клуссиньш, не вынеся тягот похода, «лишил себя жизни в припадке сильнейшего нервного расстройства».¹¹ 5 офицеров было ранено, и 3 - контужено.

В 1905-1907 гг. 93-й Иркутский полк принял также участие в подавлении революционных выступлений в Петербурге, Псковской и Лифляндской губерниях. Особенно тяжкие испытания выпали на его долю в Лифляндии. Можно по-разному относиться к тем идеям, которые защищали солдаты и офицеры, но нельзя отказать им в мужестве и верности присяге. Обосновывая правоту своих действий, один из офицеров писал: «Формировались отряды мятежников и во главе с их начальниками отправлялись для нападения на воинские части, уничтожения замков и проведения экзекуций. Ясно видно было, что подготовка революции велась систематично в течение долгого времени, и к началу мятежа в весьма короткий срок весь край был переделан на новый, вполне антирусский строй».¹²

Под Мадоной, Вольмаром, Венденом Иркутскому полку приходилось вести настоящие сражения с многочисленными отрядами повстанцев. Так, в ночь с 17 на 18 ноября 1905 г. отряд из 25 солдат Иркутского полка с поручиком Саатчи во главе был осажден в имении Зельсау под Мадоной 600 латвийскими крестьянами. Солдаты всю ночь сдерживали толпу, пытавшуюся сжечь имение и расправиться с его обитателями. 3 декабря 7-я рота полка под началом поручика Гастунского была обстреляна в Вендене (ныне Цесис) крупным отрядом повстанцев, который затем укрылся в местном народном училище. При этом были убиты ефрейторы Я.Шимчак и К.Макаров, а разъяренные солдаты подожгли школу. Латвийский историк Я.П.Крастьньш в своей работе «Революция 1905-1907 годов в Латвии» называет русских солдат «палачами» и «карателями». Однако нельзя не отметить, что ожесточение было с обеих сторон.

Положение полка осложнялось тем, что революционные идеи проникали и в солдатскую среду. В сентябре 1906 г. рядовой Берке Пушко был задержан при попытке распространения среди других солдат социал-демократической газеты «Голос солдата». В марте 1907 г. за революционную пропаганду было арестовано сразу несколько рядовых. В ноябре того же года выяснилось, что несколько солдат Иркутского полка участвовали в попытке рядового 95-го Красноярского полка создать «союз нижних чинов» явно революционной направленности. Зачинщиком оказался рядовой Хаим Габельман, которого и отдали под суд.

В 1907 г. все роты полка вернулись в Псков. Снова началась повседневная жизнь с

маневрами, учениями и т.д. В декабре 1910 г. был открыт полковой музей. Первым его хранителем стал штабс-капитан И.И.Никитюк, а председателем музейной комиссии - подполковник В.А.де Ливрон. Полковник Копытынский в день открытия музея сказал: «Мы обязаны верить в вечность нашего полка и не должны забывать, что настанет время, когда наши дни будут называть «началом минувшего столетия»; поэтому, относясь любовно и бережливо ко всем знакам прошедшего времени, нам необходимо заботиться сделать и свой посильный вклад грядущему».¹³ В музее хранились егерские знамена XVIII в., серебряные трубы, полученные полком в 1811 г., портреты командиров и прочие реликвии.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война принесла полку тяжелейшие испытания. Он сражался, главным образом, на Австрийском фронте и понес тяжелые потери. Все чаще и чаще во Псков доставляли тела убитых офицеров, приходили известия о гибели солдат. Особенно драматическими обстоятельствами сопровождалась смерть капитана Н.А.Затеplinского, происходившего из старинного псковского дворянского рода. Он был убит одновременно со своим братом С.А.Затешинским, также офицером Иркутского полка. Их погребение на Дмитриевском кладбище Пскова вылилось в настоящий патриотический митинг.¹⁴ Многие офицеры Иркутского полка были награждены боевыми орденами.

Однако уже в годы первой мировой войны между солдатами и офицерами полка ясно обозначился тот раскол, что проявлялся еще в 1905-1907 гг. Революция 1917 г. окончательно разделила полк на враждующие лагеря. Действия Иркутского полка в годы Октябрьской революции и гражданской войны вполне заслуживают самостоятельного рассказа. Пока же следует сказать, что, по какую бы сторону баррикады ни находились «коренные иркутцы», они, как правило, проявляли высокое мужество и отвагу.

Примечания

1. История 93-го пехотного Иркутского Его Императорского высочества великого князя Михаила Александровича полка. СПб., 1914. С.10.
2. Там же.
3. Памятная книжка Псковской губернии на 1907 г. Псков, 1907. С.52-54. РГВИА. Ф.2707, д.805, л.2-9.
4. История 93-го пехотного Иркутского...полка. С.565; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С.271.
5. История 93-го пехотного Иркутского...полка. С.575-576.
6. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. С.248.
7. Письма к приятелю // *Разведчик*, 1898, № 388. С.255.
8. Дело доходило до того, что некоторые офицеры попадали в руки ростовщиков. Так, в январе 1907 г. офицер 96-го Омского полка Жеромский ранил выстрелом из пистолета псковского мещанина А.Т.Плукш. Последний был ростовщиком, опутавшим долгами многих офицеров и Омского, и Иркутского полков (*Псковский голос*, 1907, №9. С.3.).
9. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т.1. М., 1993. С.95.
10. История 93-го пехотного Иркутского...полка. С.597.
11. Там же. С.598.
12. Там же. С.607.
13. Там же. С.635.
14. *Псковский голос*, 1915, № 27. С.2.